

Мичева-Пейчева К. С. Семантическая оппозиция «чистый — нечистый» в болгарских повествовательных апокрифах / К. С. Мичева-Пейчева // Научный диалог. — 2016. — № 4 (52). — С. 35—51.

УДК 811.163.2*373.233

Семантическая оппозиция «чистый — нечистый» в болгарских повествовательных апокрифах

© **Мичева-Пейчева Калина Стефанова (2015)**, доктор филологических наук, главный ассистент, Секция этнолингвистики, Институт болгарского языка им. проф. Л. Андрейчина, Болгарская академия наук (София, Болгария), k.micheva@gmail.com.

Изучаются тексты болгарских апокрифов с точки зрения исторической лингвокультурологии. Уделяется внимание особенностям реализации в них концептов чистоты и нечистоты. Проанализировано шесть историко-апокалиптических произведений XI—XII веков. Актуальность исследования объясняется современным состоянием антропологической лингвистики. Представлены результаты анализа сем концептов чистоты и нечистоты в повествовательных апокрифах. Например, чистота в апокрифических произведениях концептуализируется прежде всего как качество людей — безгреховность, первичная по отношению к телесной неоскверненности. Показано, что нечистота, в свою очередь, соотносится с принятием нечистой пищи (притом в апокрифах на первое место поставлено людоедство, предполагающее в том числе поедание человеческого эмбриона и мертвечины), гомосексуальными связями, потерей девственности, язычеством и др. Особое внимание уделяется языковым репрезентантам концептов. Концепт чистоты, как и концепт нечистоты, реализуется в апокрифических текстах при помощи целого ряда языковых репрезентантов, которые распределены по разным зонам концепта: ядро, приядерная зона и периферия. Новизна исследования видится в доказательстве того, что одни реконструируемые семы совпадают с теми, которые актуализируются в текстах староболгарской официальной литературы, а другие специфичны для жанра апокрифов.

Ключевые слова: культурный концепт; языковые репрезентанты концепта; апокриф.

1. Введение

Статья посвящена повествовательным апокрифам. Из них проанализируем шесть историко-апокалиптических произведений XI—XII веков, из которых три апокрифа оригинальные; четыре — ветхозаветные и че-

тыре — новозаветные (все они переведены в X—XI веках, но их можно найти в копиях XIII—XVI веков); одно оригинальное сочинение попа Иеремии X века и апокриф, переведенный в XVII веке (общее количество — 16 апокрифов). До сих пор они изучались в историческом и текстологическом ключе [Ангелов и др., 1922; Димитрова, 1982; Димитрова, 1986; Димитрова, 1998; Димитрова, 1996; Коссова Джамбелука, 1983; Милтенов, 2004; Милтенова, 1982; Милтенова, 1984; Милтенова 1985; Милтенова, 1987; Младенова и др., 2013; Наумов, 1980; Петканова, 1981; Петканова, 1985; Тасева и др., 1995; Тъпкова-Заимова и др., 1996; Цибранска, 2004; Alexander, 1976; Orlov, 2007]. В работе используются методы диахронного, лингвосемантического, контекстуального анализа.

2. Концепт ЧИСТОТА

2.1. ТЕЛЕСНАЯ ЧИСТОТА

Чистота в апокрифических произведениях концептуализируется прежде всего как качество людей — безгреховность, первичная по отношению к телесной неоскверненности. На языковом уровне эта сема вербализуется трижды в «Болгарской апокрифической летописи» сочетаниями *греха не было, ни жены и ни жены, ни греха было*. Эти два варианта расстановки слов доказывают существование представлений о тождестве между греховностью и жизнью с женщиной:

снѣ его црѣ Петръ · и бѣ(с) црѣ бл'гаро(м)ѣ еще (ж) и гр'ко(м)ѣ и · цр(с) твова въ земл(і) бл'гарьскои · лѣ(т)·вѣ · грѣха не имѣе ни жени;

прѣбѣ(с) же Василіе в' цр(с)тве си · лѣ(т) · л' ни жени ни грѣха имѣе · и бл(с)вно бѣ(с) цр(с)тво его.

Защита христианства является постоянной темой историко-апокалиптических произведений этой эпохи независимо от того, идет ли речь о битвах с нехристианскими народами или об освободительных восстаниях болгар во время византийского рабства. В апокрифах все значимые сражения происходят против *исмаильтян*, или *поганых* — это названия язычников, одно из которых более старое, известное еще по староболгарским классическим памятникам, другое — более новое. Так как язычество — это одна из форм существования нечистоты, борьба с ним ведется посредством всего «исконно чистого». В тексте «Сказания пророка Исаяи» царю помогают «воины господни», то есть священнослужители, на помощь приходят святые отцы земли болгарской, а также девица, то есть девственная девушка, которая благословляет царя и берет его за правую руку, помогает и крест.

Победа над исмаильтянами обеспечивается именно сочетанием сакрального и чистого:

тог(д)а ѿвет се емоу гѣ вое патриархи и еп(с)пи · и калоугере и по(п)ве · и приидѣть съ нѣмъ въ горѣ рекомоу Витошь · идѣже соу(т) стѣи оѣи ѿ земле бѣлгарскіе. тог(д)а изидеть двѣца стѣа и красна тѣлом · ввводиши(х) · тѣ стѣи(х) ѿцѣ и пове(д)ть Гагена црѣ за десноу рѣ(к) и бл(с)вить его и приидеть съ ч(с)тни(м) кр(с)томъ на измаилтени и сътворить сѣчь великъ.

Исключительно интересное сопоставление можно провести между этим текстом в «Сказании пророка Исаии» и подобным в «Толковании Данииловом». Если учесть, что оба апокрифические произведения оригинальны и что, вероятнее всего, «Сказание пророка Исаии» написано раньше, можно оценить роль лексической замены, являющейся весьма важной для осмысления особенностей реализации концепта чистоты. В «Толковании Данииловом» болгарский владетель, названный «каганом», восстал на «исмаильтян» и первоначально терпит поражение возле Средеца и Бояны. Вместо девицы здесь появляются «сироты», а сироты в болгарской традиционной культуре тоже являются чистыми людьми (подробнее об этом см. [Мичева-Пейчева, 2013: 166-168]). Таким образом, чистое снова становится в один ряд со святым:

а сама оубѣжить въ Вельблуж(д)ь · и тоу пакѣ сбереть сиротѣ · и попе · и диякѣ · и мнихѣ · въ Витоши горѣ · идѣже соуть сѣбрани мнози · стѣи ѿ всѣхъ земля · и поидоут' съ кр(с)ты на Измаила · патиирьхъ !/! поидеть прѣд ними

В «Слове о Сивилле» снова актуализируется сема 'сохранение девственности', поскольку невинность трактуется как дающая возможность прикосновения к сакральному:

велико бо · надѣише (с) ѿко ѿ неж · родити (с)ж хоцеть Хс · и хранѣ(ш) е дв(с)тво свое

В «Слове на Благовещение» Богородица защищает перед ангелом свой выбор *чистомъ житиемъ жити*, то есть сохранять свою девственность. В апокрифическом контексте этот выбор осуществляется на бытовом уровне — в отношении к незнакомому, который ее приветствует; при угрозах ревнивого Иосифа; в настаивании на том, что ей не удалось бы родить.

Сема 'девственность' вербализуется сочетанием *момы чисты* и в тексте «Видения апостола Павла».

А в другом ветхозаветном апокрифе — «Слово об Адаме и Еве» — очищение от греха соотносится с постом. Согрешившим удается умиловать Бога именно сорокадневным постом, и сразу после его прохождения Бог принимает душу Адама. Это устойчивый библейский мотив, который обнаруживается в повествованиях о посте Иисуса, Моисея, Иоанна Крестителя.

2.2. ДУХОВНАЯ ЧИСТОТА

В апокрифе «Видение апостола Павла» духовная чистота дважды обозначена словосочетанием *чисто срьдьце*, которым обладают люди, преданные Богу, пострадавшие от многих мучений, отстаивавшие правду. А с *проваждане чисто* соотносятся хорошие дела, целомудрие и соблюдение Закона Божьего. Только такие люди достойны Божьей милости и Царствия Небесного. Следовательно, наблюдаются семантические корреляции между чистым, сакральным, добрым, правдой.

ами токо които са теглиле сыромашіа дхѣм стым. И плакале, и гладѣвале, и ждѣвале, млстивы със чисто срдце, и испьдени заради правда

това е праведникъ. и видѣхъ сички добрины неговы, щото бѣше животѣваль по законъ бжїи, и сичко проважданіе цѣломѣдрно и чисто

2.3. ОЧИЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

Концепт чистоты следует рассматривать не только применительно к человеческому роду, но и в связи с представлениями о земле. Она — не только дом людей, место, где они существуют и совершают грех, оскверняя ее. Земля олицетворена, как во всех древних религиях. Разумеется, в христианских книгах, в том числе апокрифических, земля подчинена Богу. Он ее сжигает, чтобы очистить от грехов человеческих после прихода антихриста. Он ее поливает двумя «белыми родниками», чтобы она стала *чище всех тварей*. Очищение в тексте «Сказания пророка Исаии» осуществляется Богом, но в нем важнейшую роль играют огонь и вода — две из стихий в верованиях античности.

по(т)мь поуустить гѣ · д · вѣтры великы и развѣють пра(х) по земли · въ широтоу и въ дълготоу (по)томь ивить гѣ два источника бѣлѣиша снѣга · единъ ѿ востока а други ѿ запа(д). и потекоуть по всеи земли. и боудеть равна земля ико и хартїа · и красна паче сего свѣта · седмь чести бѣлѣи

· и лежить земля ·г̃ лѣ(т) и възопити земля къ бѣ глѹщїи призири на ме
вл(д)ко и помѣлѣи ме · яко имамъ много лѣ(т) лежоущїи ꙗ(с)м бо яко двѣца
седмолѣтнаа чиста паче всею твари вчистих се ѿ всакое скверны

Образ чистой земли создается при помощи сочетания красивого, белого, девственного, которые полностью стирают скверность рода человеческого с лица земли. В апокрифическом «Апокалипсисе Иоанна Богослова» находим подробно разработанную картину чистой земли, воссозданную посредством следующих языковых средств: дважды используется сравнение *яко снѣгъ*, две лексемы имеют корень *-бял-* (*бѣла*, *убѣлит са*), дважды подчеркнуто отсутствие греха (*грѣхъ*) и один раз — скверны (*скверна*), засвидетельствован также глагол *очистих са*, кроме того, имеет место отождествление земли с чистой телом женщиной (*дѣва*). Вероятно, в апокрифах олицетворение земли является отголоском древних верований, этот образ связан и с фольклором.

Ѹбѣлѣнт са земля яко и снѣгъ, и бѣдѣтъ вса земля яко и харьтна, не
имѣши скверныи, ни хльма, ни гори, ни крѣмена, и бѣдѣтъ вса земля ѿтъ
вьстока до запада равьна яко и трыпеца и бѣла яко снѣгъ ... и възпнеть
земля къ господоу, господи дѣвоу вьсьмъ прѣдѣ чювоу и нѣсть на мьнѣ
грѣха ... тогда вчистит с вса земля отъ грѣха

2.4. Сакральные силы чистоты

Очищающая сила Бога проявляется не только при наступлении конца света и Второго пришествия. В новозаветном апокрифе «Послание Авгаря Иисусу Христу» подчеркнута та способность Господа уничтожать проказу и болезни, которая во всей староболгарской литературе называется «очищением», так как недуги портят изначальный богосотворенный образ человека и таким образом оскверняют его. Изгнание вселившихся в людей бесов осознается как вид болезни, которая может найти исцеление только от Бога:

г̃и ... прокаженны ѿцнцѣиши нечѣстѣхъ дѣхъ ѿгонни словомъ и долгомоч-
нымъ болезни исцѣлиши

В апокрифическом «Апокалипсисе Иоанна Богослова» Господь по-казывает свое *прѣчистое божество* своему ученику. Прилагательное *прѣчистъ* в апокрифах относится только к Богу и святой Богородице. Следовательно, чистое и сакральное сливаются. Этот образ мышления, име-

ющий специфическую языковую реализацию, характерен для всей староболгарской литературы — не только официальной, но и апокрифической.

3. Концепт НЕЧИСТОТА

3.1. ТЕЛЕСНАЯ НЕЧИСТОТА И ЛЮДОЕДСТВО

В апокрифических текстах есть специфические реализации концепта нечистоты. Нечистота тела соотносится с принятием нечистой пищи, притом на первом месте указано людоедство, в частности поедание человеческих зародышей, а также мертвецов. Представление о «самых нечистых» людях — людоедах — можно найти в «Видении Данииловом» (ВД), «Откровении Мефодия Патарского» (ОМП) и «Видении пророка Исаии» (ВИ), переведенных с греческого на староболгарский язык. В тексте «Откровения» есть сделанное староболгарским словесником дополнение, которому нет соответствия в греческом подлиннике: это выражение *ели людей*. Следовательно, эта гипостаза нечистоты была значима и в болгарской культуре. Под нечистой пищей имеются в виду также «нечистые» животные, кровь животных, насекомые, пресмыкающиеся, среди которых особо выделены змеи и скорпионы. Среди млекопитающих указаны мыши и кошки. Обобщенно они названы так: *гады и скоты нечистые, вса ничиста и гнусна, нечистые звѣры, гноусноу и смрадноу и скврньоу комарше*. Тема нечистоты некоторых животных, трупов и крови животных обсуждается и в Книге Левит Ветхого Завета.

не бо нь нечистыѣ ти страны исходеще ѿ горы · исти нач'ноуть плть члѣвскоую · и пити кровь звѣриноу · и ѡдеть нечистиі тии · мртвѣихъ телеса · и wskрѣнить !/ се землѣ ѿ нихъ

и приде воюѣ до мора · идѣже на(ри)цаѣтъ се слоуньчнѣ землѣ · и вбрѣте члѣвкѣ нечѣстыѣ и смрадныѣ · иже соуть Апетовы !/ оунуци · ихъ же нечистоту видѣвъ и почюди се · ѡдѣхоу бо члѣвкѣ · и всакоу животноу жюпѣличие · и твари гноусноу и смрадноу и скврньоу комарше · и мыше · и котьке · и з'миѣ · и мртвѣихъ плти · и слѣпыѣ изврагѣ · еже есть несношено рож(д)ѣно дѣте · и всакоу тварь животноихъ · гады и скоты нечистиѣ · и мртвѣе же не погрѣбахоу · нь ѡдѣхоу ихъ · се же все сыгледавѣ Алекъзен'дръ · бывающѣ · въ немь скрѣны !/ · въз'бои се и р(ч)е · ѣда како доидоуть · до земле стѣѣ · и wskрѣнеть ю · ѿ wskрѣнь ѡденѣ своихъ

изышьдыши [бо] ѣзыци ѿ сѣвера · исти имоуть плти члѣвче · и крови скотие пити · аки водоу · и вса нечистаи · и гноусна · исти нач'ноуть и з'миѣ

и скорьпие [и] иние гады земельные · и звѣры нечистые · и м'рциноу ·
изъврагы женыскыне. и закалати начьноуть младѣньце · и пекоуще давати
матеремь своимь чеда исти · истлет' землю · и wskврьнетъ ю · и потрѣбеть ю
· не боудеть тръпещаго на неи

ег(д)а ѡвнглуге проповѣсть се въ чедомъдцихъ · и кровопицихъ

Люди, осуществляющие эти практики, полностью вписываются в парадигму нечистоты. На языковом уровне это проявляется номинациями: *нечистие странни, нечистии тиш* (субстантивация прилагательного), *чловѣкы нечистие и смрадные, чедомъдци и кровопици*, их деяния характеризуются словами *нечистота* и *скврѣна*.

Интереснейшим образом разработан тот же мотив в «Хождении Богородицы по мукам». Когда святая Мария видит огненную реку и грешников в ней, она узнает от ангела, что те, кто находятся по шею в пламени, *ели мясо человеческое*. Таков текст копии 1602 года, изданный А. Пыпиным, и он полностью соответствует содержанию проанализированных апокрифов в отношении описанных представлений о грехе людоедства. В более поздней копии XVIII века, изданной П. Лавровым, есть интерполяция: святая Богородица спрашивает, что означает *есть человеческое мясо*. По всему видно: исторический контекст уже таков, что людоедство трудно можно допустить. В этом убеждает и ответ ангела: выражение *ели человеческое мясо* относится к тем, кто нарочно выкидывает своих детей и бросает их псам; к тем, кто убивают своих братьев; к тем, кто выдает своих детей царям или королям, чтобы те их сгубили. Следовательно, идет речь о метафорическом употреблении выражения. Тот же эпизод с погруженными по шею в огненную реку присутствует и в «Видении апостола Павла». В копии «Ловечского сборника» XVII века выражение *ели мясо человеческое* пропущено, а указываются только грехи, подобные тем, которые были названы выше и описаны сходными языковыми средствами: *эти возненавидели брат брата и выдавали друг друга*. Таким образом, текст апокрифов приспособляется к новым культурным восприятиям людей, живших в XVII и XVIII веках.

В историко-апокалиптических произведениях XI—XIII веков, однако, людоедство воспринималось как реальная угроза общности и миру. В этой апокалиптической картине находит свое место и осквернение земли: в конце трех контекстов из числа приведенных подчеркивается тяжелейшее последствие появления нечистых племен — оскверненная земля как символ всего человеческого мира.

3.2. ТЕЛЕСНАЯ НЕЧИСТОТА И НЕПРИНЯТЫЕ ПОЛОВЫЕ СВЯЗИ

Телесная нечистота людей реализуется и в виде непринятых, осуждаемых религией и обществом половых связей, которые еще в «Послании святого апостола Павла к римлянам» были названы противоестественными (на староболгарском прѣзвещьныне). В новозаветном тексте к ним отнесены гомосексуальные отношения (сравните «Послание святого апостола Павла к римлянам» 1. 24, 26, 27). В «Откровении Мефодия Патарского» точно цитировано «Послание святого апостола Павла», чтобы усилить слова автора авторитетным библейским текстом. В то же время, однако, апокриф предлагает разъяснения насчет противоестественного поведения мужчин: они одеваются в прелюбодейские и соблазняющие женские одежды, разукрашиваются, словно женщины, и в таком виде ходят по улицам и торжищам города. Женские противоестественные действия в апокрифе определяются как кровосмешение женщины с отцом, братом и сыном — так конкретизируется слишком обобщенный текст «Послания святого апостола Павла». Идея о телесной нечистоте мужчин и женщин в апокрифе приобретает определенность очертаний.

и також(д)е и снѣомъ измаилевомъ · любе даѣтъ имь силоу · да прѣимоуть землю хр(с)тиѣньскоую · нь грѣхъ ради ихъ · и безакония · тако имь творить. нѣ(с) бо имь тѣч'на въ грѣсѣхъ · въ всѣхъ родѣхъ было · ни боудеть · что бо вблачеть се моужие · въ любодѣиць женъ ризы · и съблажняющихъ · и аки жены красоують се · по стыгнамъ гра(д) ходеще · и по тръжищемъ прѣдъ всѣми · и прѣмѣнише вещьное трѣбование · въ прѣзвеществьное · ꙗкоже рече стѣи ап(с)ль · також(д)е и жены ихъ · акы моужи твореть · примѣси бо се ѣдънои женѣ ѿць и снѣ и бра(т) · ѿ множества съплетения · того ради прѣмоудры Павль · проразоумѣвъ прѣж(д)е много лѣ(т) · рече ѿ нихъ · сего ради прѣдасть ꙗ бѣ въ похоти нечестия · жены бо ихъ прѣмѣнише вещьное · трѣбование · оу прѣзвещьное · також(д)е и моужие ихъ вставише трѣбование вещи женские · и раз'горѣше се сами на се · моужие съ моужьми · безаконие твор[ещ]е · и мьз(д)оу ꙗже достоин прѣльсти ихъ промуть

3.3. ПОТЕРЯ ДЕВСТВЕННОСТИ, НАРУШЕНИЕ ПОСТА

В апокрифе «Видение апостола Павла» можно найти строки, описывающие проявления телесной нечистоты. Такие фрагменты обнаруживаются во всех произведениях староболгарской литературы, а именно упоминаются потеря девственности, связи с чужими мужчинами или женщинами,

нарушение поста. На семантическом уровне не встречаются новшества, но на языковом — появляются лексемы разговорного языка XVII века, которые полностью замещают традиционные: *омръся моминството, курвя с чужди* (сквернить девичество, таскаться с чужими):

ами си са омръсиле моминството прѣди свадбата догде са не бѣха ожениле

това са дето си нѣ съ пазиле мъжіете жените, и жените своите си мъжіе, ами са кѣрвиле със чюждые

това са дето прѣди врѣме раздрѣшовале постъ, та затова се тѣи мѣчатъ

3.4. Язычество как нечистота

В апокрифах язычество мыслится как гипостаза нечистоты. Именно поэтому в «Откровении Мефодия Патарского» староболгарский словесник меняет греческое слово *варвары* на *руки поганых*, а в истории болгарского литературного языка слова с корнем *поган-* соотносятся с язычеством. Как раз завладение язычниками и есть Божие наказание для согрешивших христиан, связанное с «осквернением их жен»:

сего ради прѣдасть ꙗ бѣ · въ роукы поганыхъ · ибо въ грѣсѣхъ и смрадѣхъ · wsk'врнени боудоуть жены ихъ ѿ сквр[ь]ньныхъ снѣговъ измаилевъ

Несмотря на то, что «Болгарская апокрифическая летопись» является оригинальным болгарским произведением с явной тенденцией к возвеличению рода болгарского и болгарских владетелей, в ней можно найти отрицательные коннотации языческого, присущего болгарам до крещения:

нарекоше(с) кѣмане блъгаре · а прѣжд(д)е бѣхъ Испора црѣи п(о)гани сѣло · и без'божныи сѣще · и в' нечѣстїа многа · и бивахъ в'сег(д)а врази гръ(ч)ьскомъ цр(с)твѣ на лѣта многа

3.5. Духовная нечистота людей

Концепт нечистоты находит выражение и в описаниях других действий людей. Они совершают прегрешения из-за ненависти, ведут бои, убивают, проливают кровь. Наиболее точным является изображение опустевшей и оскверненной кровью земли, которая не даст плод, в «Откровении Мефодия Патарского»:

и земле впоустѣють ѿ члвкъ · и боудоуть непроход'не · и wskврньеть се крвьию · не дасть же плода своего

Зверства интервентов, убивающих беременных и разрубающих детей, отнятых у матерей, обобщены так: *скверность они есть, и скверностью обростут*. Эта этимологическая фигура с повторением *скврнь-* подчеркивает в высшей степени нечистоту инородных племен:

нь чеда поустьѣне · и на впоущение соуть приш'ли · тлѣ соуть · и на истлѣние послани. скврња соуть и скврною примоуть. ѿко идоуще изъ поустьѣне · вроужимъ своимъ калеть въ непразныхъ женахъ · и младѣнице изъ роукъ матери · истржюще разбивати нач'ноуть · и лѣгати имоуть съ женами своими · въ стѣихъ мѣстѣхъ

В текстах апокрифов под нечистой понимается и греховное поведение людей другого типа. Когда погибнет христианство и победят инородцы-язычники, из-за уничтожения сакрального человеческого род станет грешным. Можно обобщить, что люди станут «нечистыми беззаконниками», а конкретные проявления греховности перечисляются в нескольких местах текста «Откровения Мефодия Патарского».

и боу(д)ть бо члвци себѣ годеще · златолюбци · величави · прѣзориви · родителемъ протѣвеще се · нечисти · безаконьници · дивимци · не хотеще видѣти дръгъ дроуга · некротьци · хоульници · лихоимьци · немлостиви · татие · клевет'ници · запоньници · льжеве · не твореще блго(д)ти · прѣдателе нагли · блоудолуби[ви] паче небголюбиви вбраз[ь] имоуще бгочестии · а сили [·] яго ѿврьгыше се · ти боудоуть слоуги дни тѣхъ · тѣмъже и немощни вѣроу ѿветь се [·] и боудоуть въ врѣмена та · казни тою и сами ѿлоуч[ать се] ѿ стѣихъ црѣквь · по воли своѣи

В «Книге Еноха» греховное поведение связано также с ограблением бедных, голодных, разутых и раздетых (нищих). И это точно отвечает содержанию Христовых проповедей в Евангелии. Здесь интересно то, что в аду Енох встречает только два типа грешников: одни, которые связаны с язычеством и таким образом связаны с отвергнутыми христианством практиками **чародѣанна, обаанна, влѣхвованна бѣсовска**; другие, которые отбирали имущество нищих, не одевали голых, не давали пищу умирающим от голода. Таким образом, их прегрешения обретали большую значимость.

и рѣста къ мнѣ мѣжа, мѣсто ея ѹготованно ея ... дающе нищѣмъ, и въ зымающе имѣнїе нхъ. и сами богатѣютъ изъ имѣнїе тѹждаго шьбдающе нхъ. иже могуще насытити, гладом оуморнша алуащѣмъ и могуще одѣати, свѣтѣкоша нагымъ.

В Видении апостола Павла также перечисляются грешники, мучающиеся в аду. Обобщенно они трижды названы: те, кто *ни една мѣла чиста не принесоха*. К ним отнесены монахи, отказавшиеся от монашеского чина, священнослужители, такие как поп, дьяк, чтец, которые плохо выполняли свои обязанности; клеветники, сребролюбцы, те, кто совершает чародейства, и прежде всего — те, кто подавили человеколюбие. В этом контексте еще раз подчеркивается как большой грех плохое отношение к самым слабым и самым чистым: вдовам, сиротам, беднякам, путникам и раздетым.

и немаха смѣрен-е, или срамѣнїе, или трѣпѣнїе, или любовь дрѹгъ дрѹгымѹ, и вдовици, и сыроты, и сыромаси нѣ съ помѣвале. и пытници, и голы нѣ съ приеле на ѹсилно врѣме

В апокрифическом «Апокалипсисе Иоанна Богослова» осужденные при Втором пришествии Сына Божьего распределены на четыре категории. Их прегрешения можно осмыслить как нарушения чистоты. На первом месте — *дуси нечисти съ аньтихристомъ*, они в наибольшей степени противопоставляются Богу и заслуживают наказания (тьма кромѣшна). На втором месте — язычники (*жыци елннѣтнн, еже вѣроваше въ сльнѣце и въ мѣсѣце и въ зѣвѣзды*) которые тоже идут в ад. На третьем месте — **родъ еврейскы**: «ради погубления Иисуса» они будут отправлены в преисподнюю. На четвертом месте — христиане, они, однако, не являются единой группой. В представлениях о них снова хорошо видно соотношение между чистым — нечистым, праведным — греховным, правым — левым и светлым — темным:

и съберѣтъ праведникъ оуть грѣшникъ и поставѣтъ ѡ денѣжъ мене и просѣтетъ е тако и сльнѣце, а грѣшникъ бѣждѣтъ тьмнн

Апокрифическая литература, являясь неканонической, реже толкует проявления ритуальной чистоты и нечистоты, однако все же подобные контексты встречаются. В «Детстве Иисуса» выявляется нарушение почитания субботнего дня, что является осквернением сакрального времени праздника. Конечно, этот мотив — отголосок прений Иисуса Хри-

ста с евреями насчет субботы (Евангелие от Иоанна 5. 10, 16; 9. 14—16 и др.).

отрѣок ꙗѡан ... възвѣмъ крѣнїе и сѣтворн .кї. ꙗѡнїцы дробнн и сквернѣт суботѣ

3.6. САКРАЛЬНЫЕ СИЛЫ НЕЧИСТОТЫ

В апокрифах встречаются и нечистые силы, они воспринимаются как враги Господа Бога. В «Повести о крестном дереве» попа Иеремии рассказывается о происхождении дьявола, отчетливо очерчивается дуалистическая идея в представлениях о существовании божественного: в начале мира, еще до появления ангелов, существуют только две божественные силы — Господь и Сатанаил. Господь, однако, сильнее, он изгоняет Сатанаила из рая, и тот превращается в дьявола, дважды отмеченного в тексте чернотой (*почерне, аки тьма*).

ѣъ ... изгна изъ рая, почерне же сатананалъ и бѣвѣ аки тѣма, дьяволъ

В «Откровении Мефодия Патарского» речь идет о том, как дьявол своими хитростями побуждает некоторые народы к злым делам. Нечистота связанных с дьяволом вербализуется трижды лексемами *нечисти, скверньни, гнусни*.

тог(д)а всѣке бо хетрости // то дивволоу сѣкр[а]тѣють и не оуспѣють
ничесоже снї оубо нечисти скверньни гноусни ꙗзыци · вльшьвньными и
злокъзньными дѣлы

Гипостазой нечистого является и сам антихрист, названный **сынъ погибѣльныйи** в «Видении Данииловом», «Толковании Данииловом», «Сказании пророка Исаии».

тог(д)а Антихр(с)тъ начне(т) моучити хр(с)тіане люто сѣло · чрѣва и(м)
ѡколо доубїа извїати · а другими вреци трнїе а друоги съжежетъ вгнѣмь
· и глѣть имь гдѣ соу(т) иже въ кнѣги вѣровавшее и въ ч(с)тнѣи кр(с)тъ

и по сихъ начнетъ снѣ погибѣльнѣи · творити знаменїи и чюдеса ·
источ'ници исышють · и слоун'це ѣгуптьское въ кровь вбратитъ се

А в «Видении пророка Исаии» появляется образ «богопротивника» и «дьявола».

також(д)е же и ѿць небсны · оуслышитъ гла(с) вѣрныхъ своихъ · выпьющихъ · и пошлетъ сна своего единогочадога · съ англы своими свежесть диявола · оузами нераздрѣшимами.

4. Выводы

Концепт чистоты в апокрифических текстах реализуется при помощи определенных лексем и словосочетаний, среди которых можно выделить:

ядро: чистъ, нескверныхъ, оуочиститъ, оуочистити се, оочищение, оочишати;

приядерную зону: чистото житие, чистото сердце, бѣлаз, оубѣлнати се, снѣгъ, грѣха не имѣе ни жены, дѣла, дѣлница, дѣлство, постимъ се, сиротн, докрын, благоуствнъ, благовѣрнъ, гостюлюбнн, любезнннн, смѣрени, безлюбннн, кротъци;

периферию: бѣлы цръквы, светы цръквы, олтари, светые отъци, устънъ крысть, изобнане, много блага, изобнальство, миромъ, оумирит, о дееноую, царство небесное, прхвѣнцы, просвѣтит сѧ, слынце.

Концепт нечистоты в апокрифических текстах реализуется при помощи целого ряда языковых репрезентантов, среди которых можно выделить:

ядро: нечистота, нечистъ, скверна, скверныхъ, осквернит, оскверненъ, мръсен, омръсен, омръся;

приядерную зону: нечистые зѣферы, гады и скоты нечистые, пазть мрътвыхъ, тела мрътвыхъ, части пазть улюбѣчскоую, уедомадци, крѣвонци, нечиста похоть, блудити, омръся моминство, курвя с чуждые, погани, поганые езыци, роуки поганые, елннѣтнн лъзыци, родъ евренскы, изманлѣне, смръть, кон, развон, гѣвъ, крѣвь, пролитнѣ крѣви, смрадъ, мръзостннн, скаланнн, смрадынн, гноусенн, грѣхъ, незаконнѣ, неправда, ненавнсть, мръзость, неприязннн дѣла, злаз, злаотворити, нечистые доуи, Антихристъ, днаволя, Сатаналз;

периферию: моужь сѧ моужьми, единомъ женѣ отъца сынъ и братъ, злаюлюбьци, бланубнн, прѣзорннн, родителемъ протывеще се, незаконьнннн, некротъци, хульнннн, лхонмѣци, немилостннн, татнѣ, клеветьнннн, лъжьбѣ, прѣдатель нагнн, блудюлюбннн, неоголюбннн, уародѣянннн, обаянннн, влахобаннн бѣсовьска, тѣма, тѣмьнн, тѣма кромѣшняма, когочрѣвннннн, сынъ погнѣльннн.

В исследовании выявлено богатство сем концептов ЧИСТОТА и НЕЧИСТОТА и их языковых репрезентантов, что свидетельствует о важнейшей роли семантической оппозиции «чистый — нечистый» в болгарских повествовательных апокрифах.

Литература

1. Ангелов и др., 1922 — *История* на българската литература в примери и библиография / урежда Б. Ангелов. — Т. II : Стара българска литература (IX—XVIII в.) в примери, преводи и библиография / съставили Б. Ангелов и М. Генев. — София : Придворна печатница, 1922.
2. *Димитрова Д.* Към въпроса за текста на апокрифа Слово за Адам и Ева / Д. Димитрова // Старобългарска литература. — 1982. — № 12. — С. 70—81.
3. *Димитрова Д.* Медиаторът в старобългарската апокрифна традиция и българския фолклор — въпроси на типологията / Д. Димитрова // Медиевистика и културна антропология : сборник в чест на 40-годишната творческа дейност на проф. Донка Петканова / съставители : Анисава Милтенова, Аделина Ангушева. — София : Мнемозина, 1998. — С. 376—384. — ISBN: 954-8829-10-X.
4. *Димитрова Д.* Повест за кръстното дърво в системата на старобългарската апокрифна литература и фолклора / Д. Димитрова // Медиевистични изследвания в памет на Пейо Димитров : сборник с материали от IV младежка медиевистична конференция, 1—3 декември 1994 г. / отг. ред. Т. Тотев. — Шумен : Университетско издателство, 1996. — С. 37—43.
5. *Димитрова Д.* Темата за произхода на злото в старобългарската апокрифна традиция / Д. Димитрова // Литература, общество, идеи. — София : БАН, 1986. — С. 25—47.
6. *Коссова Джамбелука А.* Наблюдения върху старобългарската традиция на Видение Исайево : съответствия и различия с текстовата традиция на Възнесение Исайево / А. Коссова Джамбелука // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. — 1983. — Кн. 2. — С. 66—79.
7. *Милтенов Я.* Апокрифният Апоклипсис на Йоан Богослов — анализ на междутекстовите отношения / Я. Милтенов // Старобългаристика. — 2004. — № 3. — С. 85—102.
8. *Милтенова А.* Апокрифни пророчества в средновековната българска литература (XI—XIII в.) / А. Милтенова // II международен конгрес по българистика : доклади : Т. 11 : Стара българска литература : литература на българското Възраждане. — София : БАН, 1987. — С. 265—284.
9. *Милтенова А.* Неофициалната книжна през XIII век в контекста на идеите и литературните тенденции на епохата / А. Милтенова // Търновската книжовна школа. Кн. 4 : Културно развитие на българската държава край на XII—XIV в. — София : БАН, 1985. — С. 102—114.
10. *Милтенова А.* „Сказание за Сивила“ (Археографски бележки, текстологическо проучване, издание на текста) / А. Милтенова // Старобългаристика. — 1984. — Кн. 4. — С. 44—72.
11. *Милтенова А.* Текстологически наблюдения върху два апокрифа (Апокрифен цикъл за кръстното дърво, приписван на Григорий Богослов, и апокрифа за Адам и Ева) / А. Милтенова // Старобългарска литература. — 1982. — № 11. — С. 35—55.

12. Мичева-Пейчева К. Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език / К. Мичева-Пейчева. — София : Валентин Траянов. 2013. — 312 с. — ISBN 9789549928648.

13. Младенова О. Ловешки дамаскин : новобългарски паметник от XVII век / О. Младенова, Б. Велчева. — София : Национална библиотека «Св. св. Кирил и Методий», 2013. — 536 с.

14. Наумов А. Апокрифите в системата на старите славянски литератури / А. Наумов // *Palaeobulgarica*. — 1980. — Кн. 2. — С. 71—74.

15. Петканова Д. Апокрифната литература и личното творчество на старобългарските писатели / Д. Петканова // *Старобългаристика*. — 1981. — № 3. — С. 3—9.

16. Петканова Д. Апокрифи / Д. Петканова // *Кирило-Методиевска енциклопедия*. — 1985. — Т. 1. — 89—91.

17. Тасева Л. Апокрифен Апокалипсис на Йоан Богослов (по препис № 639 от Московската синодална библиотека) / Л. Тасева, М. Йовчева // *Старобългаристика*. — 1995. — № 3. — С. 47—57.

18. Тъпкова-Заимова В. Историко-апокалиптична книжнина във Византия и средновековна България / В. Тъпкова-Заимова, А. Милтенова. — София : Университетско издателство «Свети Климент Охридски», 1996. — 377 с.

19. Цибранска М. Кагарският требник и богомилската книжнина / М. Цибранска. // *Старобългаристика*. — 2004. — Кн. 1. — С. 42—67.

20. Alexander P. Historical interpolations in the Zbornik Popa Dragolia / P. Alexander // *Actes du XIV congrès international des études byzantines*, Bucarest, 6—12 sept., 1971. — Bucuresti : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. — Vol. III. — Pp. 23—38.

21. Orlov A. From Apocalypticism to Merkabah Mysticism : Studies in Slavonic Pseudepigrapha / A. Orlov. — Leiden and Boston : Brill, 2007. — xiv, 490 p. — ISBN 9789004154391.

Semantic Opposition “Purity — Impurity” in Bulgarian Apocryphal Stories

© **Micheva-Peycheva Kalina Stefanova (2016)**, Doctor of Philology, chief assistant, Department of Ethnolinguistics, Institute for Bulgarian Language named after Professor L. Andreychin, Bulgarian Academy of Sciences (Sophia, Bulgaria), k.micheva@gmail.com.

Bulgarian apocryphal texts are studied from a perspective of historical cultural linguistics. Attention is paid to the peculiarities of the concepts of purity and impurity realization. Six historical and apocalyptic works of XI—XII centuries are analyzed. The relevance of the study is explained by the current state of anthropological linguistics. The results of the analysis of the semes of concepts of purity and impurity in the narrative apocrypha are given. For example, purity in the apocryphal writings is conceptualized

primarily as the quality of the people — sinlessness, primary in relation to the body undefiled. It is shown that impurity, in turn, is related to the eating of unclean food (though in the apocrypha cannibalism, suggesting the eating of human embryos and carrion is put in the first place), homosexual relations, the loss of virginity, paganism and others. Special attention is paid to linguistic representation of the concepts. The concept of purity, as well as the concept of impurity, are realized in the apocryphal texts through a variety of linguistic representations, which are distributed in different areas of the concept: a core zone, co-nuclear part and peripherals. The novelty of the research is seen as the proof that some reconstructed semes coincide with those that are actualized in the ancient Bulgarian texts of the official literature, while others are specific to the genre of the apocrypha.

Key words: cultural concept; language representation of concepts; apocryphal story.

References

- Angelov, B., Genov, M. (sost.) 1922. *Istoriya na bolgarskata literatura v primeri i bibliografiya. II: Stara bolgarska literatura (IX—XVIII) v primeri, prevodi i bibliografiya*. Sofiya: Pridvorna pechatnitsa. (In Bulg.).
- Dimitrova, D. 1982. Kom voprosa za teksta na apokrifa Slovo za Adam i Eva. *Starobolgarska literature*, 12: 70—81. (In Bulg.).
- Dimitrova, D. 1998. Mediatorot v starobolgarskata apokrifna traditsiya i bolgarskiya folklore — voprosi na tipologiyata. In: Miltenova, A., Angusheva, A. (sost.) *Medievistika i kulturna antropologiya: sbornik v chest na 40-godishnata tvorcheska deynost na prof. Donka Petkanova*. Sofiya: Mnemozina. 376—384. ISBN: 954-8829-10-X. (In Bulg.).
- Dimitrova, D. 1996. Povest za krstnoto drvo v sistemata na starobolgarskata apokrifna literatura i folklore. In: Totev, T. (ed.). *Medievistichni izsledvaniya v pamet na Peyo Dimitrov: sbornik s materiali ot IV mladezhka medievistichna konferentsiya (1—3 dekmvri 1994)*. Shumen: Universitetsko izdatelstvo. 37—43. (In Bulg.).
- Dimitrova, D. 1986. Temata za proizkhoda na zloto v starobolgarskata apokrifna traditsiya. In: *Literatura, obshchestvo, idei*. Sofiya: BAN. 25—47. (In Bulg.).
- Kossova Dzhambeluka, A. 1983. Nablyudeniya vorkhu starobolgarskata traditsiya na Videnie Isayevo: sootvetstviya i razlichiya s tekstovata traditsiya na Voznesenie Isayevo. *Starobolgaristika*, 2: 66—79. (In Bulg.).
- Miltenov, Ya. 2004. Apokrifniyat Apoklipsis na Yoan Bogoslov — analiz na mezhdutekstovite otshoseniya. *Starobolgaristika*, 3: 85—102. (In Bulg.).
- Miltenova, A. 1987. Apokrifni prorochestva v srednovekovnata blgarska literatura (XI—XIII). In: *II mezhdunaroden kongres po bolgaristika: dokladi. 11: Stara blgarska literatura: literatura na bolgarskoto Vozrazhdane*. Sofiya: BAN. 265—284. (In Bulg.).
- Miltenova, A. 1985. Neofitsialnata knizhnina prez XIII vek v konteksta na ideynite i literaturmite tendentsii na epokhata. In: *Trnovskata knizhovna shkola. 4: Kulturno razvitie na bolgarskata drzhava krayat na XII—XIV*. Sofiya: BAN. 102—114. (In Bulg.).
- Miltenova, A. 1984. „Skazanie za Sivila” (Arkheografski belezhki, tekstologicheskoprochuvane, izdanie na teksta). *Starobolgaristika*, 4: 44—72. (In Bulg.).

- Miltenova, A. 1982. Tekstologicheski nablyudeniya vrkhu dva apokrifa (Apokrifen tsikl za krstnoto drvo, pripisvan na Grigoriy Bogoslov, i apokrifa za Adam i Eva). *Starobolgarska literatura, 11*: 35—55. (In Bulg.).
- Micheva-Pecheva, K. 2013. *Sblskt na chistotata i nechistotata v bolgarskata kulutura i ezik*. Sofiya: Valentin Trayanov. ISBN 9789549928648. (In Bulg.).
- Mladenova, O., Velcheva, B. 2013. *Loveshki damaskin: novobolgarski pametnik ot XVII vek*. Sofiya: Natsionalna biblioteka «Sv. sv. Kiril i Metodiy». (In Bulg.).
- Naumov, A. 1980. Apokrifite v sistemata na starite slavyanski literaturi. *Palaeobulgari-ca, 2*: 71—74. (In Bulg.).
- Petkanova, D. 1985. Apokrifi. In: *Kirilo-Methodievskata entsiklopediya, 1*: 89—91. (In Bulg.).
- Petkanova, D. 1981. Apokrifnata literatura i lichnoto tvorchestvo na starobolgarskite pisateli. *Starobolgaristika, 3*: 3—9. (In Bulg.).
- Taseva, L., Yovcheva, M. 1995. Apokrifen Apokalipsis na Yoan Bogoslov (po prepis № 639 ot Moskovskata sinodalna biblioteka). *Starobolgaristika, 3*: 47—57. (In Bulg.).
- Tpkova-Zaimova, V., Miltenova, A. 1996. *Istoriko-apokaliptichna knizhnina v Vizantiya i srednovekovna Bolgariya*. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sveti Kliment Okhridski». (In Bulg.).
- Tsibranska, M. 2004. Katarskiyat trebnik i bogomilskata knizhnina. *Starobolgaristika, 1*: 42—67. (In Bulg.).
- Alexander, P. 1976. Historical interpolations in the Zbornik Popa Dragolia. In: *Actes du XIV congrès international des études byzanyines* (Bucarest, 6—12 sept., 1971). Bucuresti: Editura Academiei Republicii Socialiste România. III: 23—38.
- Orlov, A. 2007. *From Apocalyptism to Merkabah Mysticism: Studies in Slavonic Pseude-pigrapha*. Leiden and Boston: Brill. ISBN 9789004154391.